

В школе я всегда брала себе незначительные роли и в «Горе от ума» играла глухую Графиню-бабушку. А ведь и это замечательно и доказывает, как я рано развилась и выросла: когда все, особенно М. С. Щепкин, хлопотали о дозволении играть «Горе от ума» на сцене, ему дозволено было поставить только одно 3-е действие, и это было, по памяти, в 23 или 29 году — я играла Соф. Павл. Но когда это дозволили в Москве играть 3 и 4 акт, тогда приехала Надя Павлова — потому что директор находил неприличными девичье-воспитаннице представлять скандальную сцену — ночное свидание. Но затем, когда пьеса давалась вполне и я была замужем, то всегда в Москве играла Софью, а затем в Петербурге Н. Д. Горичеву.

Я упоминаю о прогнанных с М. С. Щепкиным... да, это были веселые, приятные забавы молодости. Щепкин и умер хотя очень старым, но с молодой душой, как он всегда сам о себе говорил. Бывало, заранее посылает сказать, что в такой-то праздник чтобы пригласились к 4 час. утра были у него. И мы, бывало, от радости и вночь не спали. Известно, что у него было большое семейство: жена, брат, 2 сестры, 4 сына, 3 дочери... да еще разные родственники и близкие знакомые, студенты... да еще мы, приглашенные, так что иногда наберется человек 20—30... и все это пешком... да еще с разными песнями... играли!.. Больше всего помню свайку, как М. С., маленький, толстенький, старенький, приподнимет назад ножку, чтобы сильнее вбить свою... Молодежь смеется, а он толкует свое: «Детишки, — душа не старейшая...». В туге едут вперевалку и сестра М. С., приоткрывают нам завтрак, и надо видеть, как он встает, мы ему делаем. Затем резвится, играем и вечером измученные, но совершенно счастливые возвращаемся домой — пешком.

Рано, не по летам я выросла, и мне часто приходилось играть с М. С. Щепкиным и П. С. Мочаловым. Они оба были необычного роста, особенно М. С. Играл на сцене с нами, я привыкла горбиться, воображая, что если я нагну, то более буду подходить к ним. Все мне это замечали, многие говорили: «Бранили... а мне горло мало, ничего не случится! Но одно слово нашего усопшего ангела-мученика — царя Александра Николаевича — совершенно выправило меня и исправило навсегда от дурной привычки горбиться. Это было в тот год, когда он путешествовал по России с В. А. Жуковским. Ему было лет 15, а мне 18. Как теперь гляжу — он был в голубом гусяромом мундире... (не спрашивайте, какого полка?.. дожила до старости, а все же мастерица я полки-то разбирать!) Красавец собой! Несмотря на серьезную пьесу — играли «Ини, или Гений и беспутство», он с большим вниманием следил за ходом пьесы и прислал нам благодарности: Мочалову — Нику, Щепкину — исправившую роль суфлера, и мне! Я представляла какую-то молодую девушку Анну Дамби (первая женская роль в пьесе). Директор М. Н. Загоснин, передав нам благодарности наследника-дворянина, взял меня за руку и шепнул: «Мочалов!.. он любит меня с малолетства». «Что это вы, М. Н. (Михайл) Николаевич, за что?» — спросила я. «А за то, что по твоей милости — я должен был солгать! Его вы (осечество), видя, что ты горбишься, спросил, отчего это, и чтобы не изобличить тебя в дурной привычке и упрямстве — исправиться, я сказал, что ты слаба здоровьем и что у тебя грудь болит!..» «Ах, пожалуйста, лечите, берегите ее, она так хорошо играет!..» — добавил наш ангел и точно вывел меня; с тех пор я была стройна как пальма, так меня и в стихах называли.

Конечно, муж мой был ревнив, и это очень понятно: почти каждый день видеть жену в чужих объятиях — это хоть кого так тронет. Меня же, как нарочно, все любил, а Мочалов просто был влюблен! И всему виной его семейная жизнь. История женитьбы его известна: он был влюблен в дочь протопопа; тот и слышать не хотел, считая грехом выдать дочь за актера! Выдал ее за священника, а Мочалов пылкий женился на дочери содержателя кофейной Важенова, который подал ему дочку и обещал прожить весь долг по кофейной. Но последнее обстоятельство не могло иметь особого влияния. Мочалов никогда не обращал внимания на деньги, он с юных лет был испорчен ими. Еще вскоре после 12 года, когда в Москве был страшный хаос и о театрах не думали, отец Мочалова — был актер и семейный человек, да и к вину-то имел даже слабость, а между тем и хлеба-то трудно было найти. Он — отец, пьяный, говорил своей дочери, молодой еще, хорошей девушке: «Поди и достань хлеба и денег — хоть у булочника!..» Что ж мудреного, что он совсем не продал богатому фабриканту Коженинову. Павел Ст. был тогда юношей, учился, разумеется, узнав, пришел в отчаяние по пособить не мог. А

Да, именно так, Прасковья Ивановна Орлова-Савина была неизменной партнершей двух самых известных актеров своего времени — Павла Мочалова и Василия Каратыгина. Оба блистали на императорской сцене, один — в Москве, другой — в Петербурге, оба были кумирами и, естественно, соперниками. Их «общая» Дездемона, Корделия, Офелия имела возможность вблизи сравнить двух титанов русского театра, отдавая, как мы увидим, предпочтение гению Мочалова.

Но автор воспоминаний — Прасковья Ивановна Орлова-Савина — личность и сама по себе замечательная. В Государственном театральном музее имени А. С. Бахрушина хранилась рукопись ее мемуаров, которые теперь стараниями заведующей отделом И. С. Преображенской, художника А. И. Моисеева и работников издательства «Художественная литература» превратились в книгу. Скоро ее можно будет купить в кассе музея [там же, кстати, продаются и «Воспоминания» Ю. А. Бахрушина, о которых наша газета уже писала дважды — 3 и 17 сентября].

О русском театре «до Станиславского» сейчас говорят редко, и та эпоха как-то отдалается, уходит в тень. Но ведь и сам великий реформатор «стоял на плечах» предшественников — корифеев русской сцены. Начинает Прасковья Ивановна рассказ с бегства из Москвы от французов своих родителей — это были «крестные, благочестивые, честные и добрые люди». А заканчивает своими хлопотами о процветании любительского театра в Осташкове. Целый век обнимает ее повествование. Ярчайшие страницы — письма из Симферополя. Актриса на три месяца когда театры были закрыты по случаю траура — кончины Николая I, стала сестрой милосердия, ходила за солдатами, ранеными в сражениях Крымской войны.

Книга П. М. Орловой-Савиной связывает в уме читателя крестные времена, оживляет хроникой известные события и времена. Прочтешь такие строки: «Ленинский был такой франтиш, пестроразрядный, и мы его прозвали «Чижиком!» Кстати, и настоящая его фамилия была Воробьев! — и призадумаетесь. Мы ведь автора всем известного водевиля «Лев Гурыч Синичкин», признайтесь, вообще в виде живого человека не представляли — ни лица, ни фигуры. Или наткнетесь на историю борьбы М. С. Щепкина за право постановки «Горя от ума» — он «отговаривал комедию у цензуры буквально акт за актом», и Прасковья Ивановна была самой первой Софьей на московской сцене. Господи, ведь и правда же, современники не могли увидеть тридцатого шедевра долгие годы! (А перломовский «Маскарад» Павел Степанович так и умер, не добившись разрешения сыграть Арбенина...).

Нет, книгу пересказать нельзя, надо читать. Она адресована всем, кто любит театр. А таковых у нас, по счастью, еще немало.

Ее душили два Отелло

ему пособили деньгами и открытым бланком во все погреб и трактиры заливать свой стыд и горе и тем приучили его к вину, и он до самой смерти страдал запоем.

Все трагедии Шекспира и вообще все драматический репертуар он переиграл со мною в продолжение 10—12 лет до моего выезда из московского театра в 1845 году. Он всегда говорил, что любит играть только со мною, а другие, как-то: Синицын, Рыкалова (мать), Федорова и другие — это какие-то льдинки, статуи, дуры!.. Последние эти отнеслись к Фед., и он даже на сцене, в трагедии «Коварство и любовь», как Фердинанд спрашивает Жулику: «Скажи, ты ли писала это письмо?..» — обманя меня... он сказал! Мочалов дивно играл эту роль и в этой сцене был весь — огонь и пламя. А Федорова спонтанно оборачивается к нему, глядя глубокими глазами и — как будто он спрашивает: ты ли вывела это чулок? — превращаясь отвечает: «Я». Тогда он шипит ей на ухо: «Дура!». А Рыкалова нет, это он любил как хорошую, почтенную женщину и знал, что таланта у ней нет и что на сцене от нее — «как от козла, ни шерсти, ни молока!», потому и свихнулся ей, а Фед. была молодая, и ей-то раз досталось не одним словом, но и делом. И так сильно взяла ее за плечо, что она упала в ямку и на шею выпали все 5 пальцев. Раз Синицыну, в «Гамлете», она играла его мать Гертруду и, верно, чминовать на сцене не угодила. Он взял ее за руку, когда говорил ей наставления, крепко одной рукой держал и до того бил пальцем другой, что она вырвала руку, он в азарте не слышит, и когда она пришла за кулисы, то должна была перчатку вернуть, так распухла у нее рука. А со мной никогда не бывало ничего подобного. Кто хоть немного читал о Мочалове, тот знает, что он имел выдающийся талант. Это была совершенная противоположность с В. А. Каратыгиным. Он всегда хорошо вчувствовал роли, но никогда не приговаривал их интонациями, поэмами, движениями, как Карат. Бывало, играешь с В. А., а мне почти одной приходилось играть с ним во всех драмах и трагедиях, когда он приезжал в Москву. Его жена, когда приезжала с ним в последний раз в 37 или 38 году и вздумала играть роли молодых девиц, тогда публика очень холодно отнеслась к ней, и с тех пор приезжал один Вас. Анд. Емелькин, который был эдильте, он менее 12—15 тысяч ассигнациями не увозил за один месяц. И да простит он меня за горькую правду! Его известная скудость доводила до невольного осуждения: например, получив такие большие деньги, он за целый месяц трудов и хлопот одевшего его портного давал ему при отъезде 20 коп. Тогда как все мы — хороший ли, дурной ли сбор в бенефис — менее 3 руб. не давали! да кроме того, праздничные. Этого мало; как-нибудь спектакль он требовал новые башмачки и перчатки (для испанских и французских костюмов большею частью требовались башмачки), да один раз «нечаянно» и в «Скотинне-Шуйском», играя мужика Ляпунова, потребовал лайковые белье перчатки! Мы посмеялись, контора увидевшая, а отказать не смела. Так играя

в бенефис моего мужа графа Эссекса, он приказал подшить новый белый атлас под его старую бархатную мантлью, говоря, что он негодяит, что подкладка грязновата, а все костюмы он привозил с собою, потому что на его роте не было подкладочных, а все новые были невыгодны. Дирекция не хотела ставить атлас, но, к счастью, прежде отказа обратилась к нам с вопросом, и мы, конечно, приказали поставить на наш счет, и В. А. даже и не знал этого и увез нашу подкладку.

Он так же тщательно заботился о костюмах, как о каждом движении в роли, и раз сыграл с ним в пьесе... Уже на другой вынес все его платье. А Мочалов надевал костюм, какой ему полагал. А иногда вздумает сам принуждать, и выйдет еще хуже! Раз играл одну из любимых его пьес: «Угольное» Полевого. Билеты с утра все разобраны, и он на репетиции говорит мне: «Ах, мой ангел! как я сегодня оденусь — чудло! Сам побуду в гардероб и выберу». Ну уж и выбрал! Вообразите: черные сапоги с желтыми кожаными отворотами, красное трико, лиловые трусы (это так назывались коротенькие панталончики — буфами: они закрывали самую верхнюю часть ноги и застегивались на талии), розовый камзол в беденная мантя, подбитая белым атласом, а на голове серая, с большими полями шляпа, убранный разноцветными перьями!.. Я едва удержалась от смеха!..

Мы все знали, что когда Моч. занимается гардеробом до начала спектакля говорит с товарищами в уборной, или с нами за кулисами... уже не жди добра: сыграет, м(ожет) быть, и увлечется, но без небесного огня... без увлечения. Так было и в этот несчастный вечер, когда он в начале был одет Арлекином. Во втором действии у нас, в саду, первое объяснение; я хочу выговорить последние слова любви... Меня это взорвало и когда, рассказывая свою бунную жизнь, он кончил словами: «И в нем (т. е., в разгуле) моя верная вера в сердце!» Тут я поглядела на него (верно, хорошо), помолчала и потом тихо, но с сильным чувством сказала: «Нет, ты остался чист душой, Ниню О. я не полюбила бы тебя!». В эту минуту он схватил меня за руку, взглянул мне в глаза... и я видела, без превеличения, как у него выступили (как бы) искры из глаз... так, что я вся задрожала. Он подал меня совсем в авансцену и сладким, страстным голосом начал говорить: «Ты любишь?... Святые Ангелы, внимайте!»... и проч. И когда мы кончили сцену — раздался гром рукоплесканий, и, уходя со мной, он сказал: «Благодарю вас, душа моя!». Зато и все остальное он сыграл великолепно! Когда, бывало, убивают Веронику (т. е. меня) за кулисами, и Ниню идет с горки, прилевая и почти подпрыгивая, зовет жену... ищет ее, говоря: «Я знаю — она шалуниа, верно, спрячется». — и входя в дом — видит ее зарезанную... О, тогда и не высказывай словами, что с ним делалось! Карат, всегда делал одинаково: выбежит из-за двери, схватится за нее, посмотрит и затем грубым, громким голосом закричит: «Умерла!.. умерла, зарезана!». А Моч. иногда вбегит везель в дом, так страшно за-

кричит и, выйдя, устремит глаза в отворенную дверь и тихо, тихо, отступая, шепчет своим мелодичным голосом: «Умерла, умерла!..» — и повторяет это слово, переходя через всю сцену, как будто не желая убедиться себя, наконец, остановится со словом: «Зарезана!» — залезет настоящими слезами! Тут долгое молчание, потому что и публика плачет с ним вместе и никто не аплодирует. А иногда стремительно перебежит всю сцену, остановится перед публикой, смотрит помутившимися глазами и спрашивает: «Умерла?.. умерла?..» — и как будто сам себе отвечает, покачает, как ребенка, и затем положит на скамью.

Вот, когда это сделал В. А. И начал свой великодушный монолог, где он говорит: «Собачка, кошка, мышь — живи!.. а ты, бедная... и т. д., все были в восторге!.. И я слышала с сердечным удивлением, думала: «О, как хорошо! как глубоко он проникнут чувством родительской любви». Казалось, он забывал весь мир! И когда упал головой на мои колени... а публика разразилась восторгом... слышу, он шепчет мне: «Простите, мой ангел! я замарал вам платье краской на лбу». Господи! Я готова была вскопиться и выпестить его в волосы или ударить его!.. Можете ли в такую минуту думать о ничтожном пятнышке на платье? Тут я и поняла, что он великий лицедей, а чувств нет никакого. В приезд Кар. все московские дамы уверяли меня, что мы так хорошо играем, что непременно влюблены друг в друга!.. и я их разочаровала, говоря, что Кар. объяснялся мне в любви выкрикивая голосом и делает невольные гримасы; чтобы отвечать ему — я делала то же, и от нашего крика выходил сильная сцена... вы увлекаетесь, а мы ясно видим, что обманываем вас.

А молодежь, особенно восторженных студентов, умела охлаждать гречневой кашей и другими прозаическими расхожими. К нам в дом доплывали очень немалые мои мужья имел знакомство с хорошими почтенными семьями: как Перфильевы, Голыхастовы, Ножкины, Толстые и др. Он был очень разборчив в выборе. Из студентов у нас бывали Корнев,

Родиславский и, будь добрый, еще кто-то, не помню. Бывало, после какой-нибудь сильной роли — Офелии, Дездемоны и др. — на другой день явится еще горячий юноша и смотрит на меня как на несомненно существующую. Жаль его станов, а отложить надо, чтобы не бредил, а учился хорошо. Он начнет вспоминать лучшие сцены, лучшие слова моей роли. «Да, я очень устала вчера и так была рада приехать домой, где самовар уже кипел на столе, и я, выпив чашки два чаю со сливками и ложечкой рожу, отдохну и мне несут на скоросте горячую гречневую кашу, которую я очень люблю! Покушав с удовольствием, я выпиваю еще чашку и затем ложусь спать». Вижу, мой юноша даже принимал и замолчал. Что делать? Мне самой жалко его, а сочувствовала его очарованно, но для его же пользы должна была его разочаровать. Или другой: после Отелло с восторгом говорит о моей игре и прибавляет, что Мочалов так сильно и злобно душил меня, что он готов был его растерзать.

Да, действительно, Моч. так на меня рассердился, что со всей силой давил подушку, под которой предположилось мое лицо, а я в это время говорила ему: «Да ну, душите меня скорей, пора одеваться юнком и сыграть роль веселее Дездемоны!» Он врал: «Стыдно!.. стыдно после такой роли одеваться мальчишкой, на потеху толпе!» — и с такими словами рычал как лев и скрежетал зубами. Публика была в восторге, а мы перебаривались.

В старых переводах «Гамлета» и «Отелло» первые роли играла Синицын, с новым переводчиком предложили мне эти роли. Решилась испугалась и запретила Верст(овскому) давать их мне. Он начал убеждать директора М. Н. Загоснина, что не должно оскорблять старую артистку Синицыну, что пенне в обеих ролях можно исполнять под музыку говорком, что, наконец, Офелию с пеннем может исполнить Н. В. Репина? Полевой сказал много спорить с Верст., зная, что от него все зависит: что он может совсем не брать его пьес и не давать за них никакой платы, а он человек бедный и молчал. Но Мочалов выходил из себя, говорил: если Офелию не будет играть Орлова — я не беру пьесы в бенефис и не играю Гамлета. Варламов также вылезал написать музыку для Офелии — при условии, что я буду играть. В театре — борьба. Я все это слышу от мужа и нарочно сказалась большой, чтобы без меня решить дело и никто не смел сказать, что мой интриги, которых я всегда терпеть не могла, способствовали окончанию. Однако, поговаривали, что Мочалов и Верстовский, если роль Офелию не достанется мне, то я все брошу и оставлю театр. Но как Мочалов ни убеждал сам директор, он поставил на своем, и роль была подписана мне самим директором, а дружке персонажам, по обыкновению, Верстовским.

В бенефисе брата я играла в водевиле Ленского «Муж — каких мало и жена — каких много». Престелная В. Н. Асенкова играла первую роль жены, а я вторую — ее знакомой. Да простит мне добрая память о ней, что я рассказываю не то что дурной, а чисто женский ее поступок со мною.

Только что я приехала — она была так внимательна, что прислала спросить, какого цвета у меня будет платье, чтобы она могла надеть не дисгармонирующий цвет. Прибавляя, что она из своего гардероба может выбрать, я, вероятно, для одной роли и корону и платье одно. Я, поблагодарив ее за внимание, послала сказать, что у меня платье белое, кисейное. И

что же я вижу? На В. Н. прекрасный белый атласный капот, отделанный пунцовым атласом. Прекрасная шляпка, белая с красным пером, и красный кашемировый платок, с белой атласной бахромой... а действие летом, на даче. Увидя меня, она немного сконфузилась и начала оправдываться в костюме, слагая вину на горничную: она живет на даче, приказала горничной, но она не поняла и проч. Я не дала ей договорить, поцеловала ее, и тем все кончилось. Хотя публика очень любила свою любимицу, но и меня принимали и вызвали прекрасной! Бенефис 2 сцены на 4 акта «Гамлета», когда Офелия сумасшедшая. Но тут я не боялась соперничества. Мне еще в Москве многие говорили, что, несмотря на талант и все достоинства Асенковой, она гораздо ниже меня в этой роли. Все знали, как она была неподражаема в комедии и водевиле, так слаба в драме, особенно в трагедии. Когда при начале спектакля мне принесли прекрасный венок и букет из полевых цветов, то я попросила принести мне чистой соломы и, свиз из нее венок, выделав несколько цветов, украсила ими солому, что было натуральнее и приятнее сумасшедшей. По моему как В. Н. и учитель ее И. И. Сосницкий стояли за первой кулисой и следили за моей игрой. Надо сознаться, что я и употребила все усилия, чтобы не ударить лицом в грязь. Прежде всего занялась внешностью: приехал с репетиции, мне вымыли мои длинные золотистые волосы, я крепко запела их в косы и, играя первую пьесу в чепце, не расчесывала их, но кю-

да распустила в Офелии — они были похожи на золотистые волны, и когда со словом «Он пустил» я закохалась длинным смехом и обемными руками подняла волны волос, публика разразилась аплодисментами, а Я. Г. Брянский, игравший короля, на грыв которого я упала с рыданиями, шептал мне: «Прекрасно, моя голубушка — прекрасно». Он был давно знаком с мужем, и он в его жена очень были к нам добры и внимательны, так же как и В. М. Самойлов и жена его. По окончании сцен из «Гамлета», во время вызовов ко мне все подошли с лоухалами, и особенно И. И. Сосницкий, в дом которого мы такими были дружески приняты. А В. Н. Асенкова пришла ко мне в уборную ушута став на колени, сказала: «Сыграть так я не могу. Прощу вас подарить мне этот венок, чтобы хотя им я походила на превосходную Офелию». Потом был третий акт из «Горя от ума», где я представляла Н. Д. Горичеву. Это брат поставил для моего мужа, он кроме игры и прекрасно танцевал кадрили и мазурку. По этому поводу Мочалов вылезал из себя, говоря: если роль Офелию не достанется мне, то я все брошу и оставлю театр. Но как Мочалов ни убеждал сам директор, он поставил на своем, и роль была подписана мне самим директором, а дружке персонажам, по обыкновению, Верстовским.

Мочалов играл грузинского князя, влюбленного в Майку, а она уже была обручена с любимым его бедным грузином — его играл Самарию. Надо сказать, что Моч. очень любил Ник. Вас., всегда бывал у него и в упоении вилом поверял ему свою любовь ко мне. Бедняк жил на Тверском бульваре, где вилу был винный погреб. И все посещающие его офицеры, студенты и актеры в год опустошали сокровище, хранимое там десятки лет!.. Мочалов был в восторге от своей роли в «Майко!» Первый страстный монолог, в котором Н. В. излил всю свою душу... всю любовь ко мне!.. Мочалов применил от себе и на репетициях так говорил его, что все восхищались! В день спектакля меня встретили и говорят: «П. С. не приехал, жена вышла к карете и сказала кучеру, что он зашил...». Что делать? Зная его привычку пьяному уезжать куда-нибудь за город или на кладбище плакать на могиле друзей, как Кольцов и др., и писать стихи на все и всех, я сейчас написала к Н. В.: «Спасайте меня, себя и пьесу — друг зашил... поезжайте и привезите его — жду обон!».. Через полчаса явилась оба Моч. и жена, зубы подлаяемы. Бек. бежит ко мне и шепчет: «Он орочен, т. е. придрался к тому, что вы не послали билет его семейству». А ложи все были проданы. Я скорей послала локу, а вот вам взамен билеты в галерею за бенефисами!.. Они возвратили то и другое — им не до театра!.. Получив билет, я подхожу к мрачному П. С., подаю его и говорю: «Простите, что с бенефисными хлопотами я не успела ранее вручить вам билет для вашего семейства, а все носила его в кармане». Он взял и как будто присвечу... Он пьяный имел привычку подвязывать шею и всегда говорил, что поедет к лависту дергать большой зуб! Намешники давно уже насчитали более сотни зубов вы-

Стоявшие родины А. С. Мочалова

1800 в ноябре 1900.

- П. И. Орлова (верху).
- П. С. Мочалов в роли Майку в спектакле «Нежность к любви и раскаяние». А. Коцубу.
- В. А. Коротких в роли Гамлета.

КОММЕНТАРИИ

1. Имеется в виду Наталья Дмитриевна, жена Павла Кузьмича. В списке действующих лиц она значится как Горичин.

2. Репина Надежда Васильевна — актриса Малого театра, жена композитора А. Н. Верстовского.

3. Брат Прасковьи Ивановны Орловой — Н. И. Куликов был актером и режиссером Петербургского Александринского театра.

4. Николай Васильевич Беклемев — драматург и поэт, близкий друг П. С. Мочалова, автор пьесы «Майко», которая и была выбрана для своего бенефиса П. И. Орлова.